

У кожнага паэта, перакладчыка, даследчыка свой Свет, свая Простора, свой Пошук. Таму ў кожнага, хто дакранеца да паэзіі У. Хадасевіча, І. Савіна, І. Буніна, З. Гіпіус, будзе жыць т. зв. “яго Бунін, яго Гіпіус” і г.д. – толькі ім пачутыя і зразуметыя. Чым прывабіла паэта-перакладчыка, паэта-лірыка васьмірадкавая мініяцюра З. Гіпіус, напісаная ў публіцыстычным ключы? Пазнаёміўшыся з вершам “Не!” рускай паэтэсы, перакладчык найперш адчуў змагарны пошук Зінаіды Мікалаеўны Гіпіус.

Не – гэта крык душы, крык адчаю і крык надзеі паэтэсы. З. Гіпіус верыць у Расію, яе народ. Удала выкарыстаныя дзеясловы загаднага ладу, рытарычныя воклічы, мастацкія сродкі – анафара і эпіфара, эпітэт і ўвасабленне ўзмацняюць публіцыстычны напал верша. Безумоўна, змест і пафас васьмірадкавай мініяцюры нікога не пакідаюць абьякавымі. М. Мішчанчуку хочацца паўтараць радкі гэтага паэтычнага твора ўсім тым, хто не верыць у будучае нашай радзімы:

І мы не загінем – верце!
Ды што нам наша збавенне:
Расія ўратуецца – пэўна!
Час блізіцца ўваскрэшэння.

Таму ўслед за рускай паэткай перакладчык захоўвае супраціўны злучнік “ды” у значэнні але, які кампазіцыйна падзяляе твор на дзве часткі. Для Міколы Іванавіча, як і для Зінаіды Мікалаеўны, галоўнае не столькі выратаванне яго пакалення, колькі ўваскрэшэнне радзімы. Тым не менш, Мікола Іванавіч паэт-філосаф, рамантык. Менавіта па гэтай прычыне ў перакладзе патэтычны напал трошкі сцішаны за кошт адмаўлення ад эпіфары, што і дазваляе акрэсліць ідэю верша як роздум аб вечнасці.

Хочацца спадзявацца, што знаёмства з перакладамі Міколы Іванавіча з рускай паэзіі заахваціць маладое пакаленне да чытання паэтычнай класікі.

Заключэнне. Бясспрэчна, для Міколы Іванавіча перакладчыцкая дзейнасць стала і сродкам пазнання, і сродкам самавыяўлення.

Прычыны і матывы звароту М. Мішчанчука да перакладу даволі розныя: прафесійныя, культурна-пазнаваўчыя, генетычна-духоўныя.

Арыентацыя М. Мішчанчука на метады брусаўскай школы перакладу, па-першае, спрыяе духоўнаму самаўдасканаленню асобы як паэта, так і чытача; фарміраванню іх эстэтычнага густу і пашырэнню сапраўдных уяўленняў аб прыгожым. Па-другое, пераклады з’явіліся для Міколы Іванавіча сапраўднай праверкай на сталасць, больш таго, выпрабаваннем, па словах М. Танка, “для ўсёй літаратуры, сведчаннем яе росту, развіцця, узроўню мастацкай культуры” [2, с. 62].

М. Мішчанчук настолькі тонка адчуў прыроду мыслення Івана Буніна, Уладзіслава Хадасевіча, Зінаіды Гіпіус, Івана Савіна, Георгія Адамовіча, што дасканалы вырашыў, як сведчыць праведзены аналіз, важнейшую задачу перакладчыка: «перадаў жывую мелодыю арыгінала, належным чынам перастварыўшы твор на роднай мове» [3, с. 49]. Слушна ўзнавіць словы І. Буніна: «Тот, кто называет себя поэтом, должен быть чувствую как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т.д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что мне нужны излияния души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным?» [4, с. 156]. Запіс, пакінуты рускім паэтам у дзённіку, – красамоўнае сведчанне таго, чаму М. Мішчанчук ідзе «па ўласнае ахвоце / Як вучань, а не дабрадзеі» вучыцца ў І. Буніна, У. Хадасевіча, І. Савіна, Г. Адамовіча, З. Гіпіус і многіх іншых.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Мішчанчук, М.І. Струна надзеі: вершы, паэмы, пераклады / М.І. Мішчанчук. – Брэст: Альтэрнатыва, 2009. – 148 с.
2. Борсук, Н.М. Тэорыя і практыка мастацкага перакладу: Дапам. / Н.М. Борсук. – Брэст: Выд-ва Брэсцкага ун-та, 2000. – 85 с.
3. Астраух, А.Э. Беларуская літаратура ў кантэксце сусветнай: вучэб.-метада. дапам. / А.Э. Астраух. – Гродна: ГрДУ, 2001. – 78 с.
4. Бунин, И.А. Дневники 1939–1945 гг.: собр. соч. в 6 т. / И.А. Бунин. – М.: Худ. лит., 1988. – Т. 6. – 375 с.

Материал поступил в редакцию 25.09.10

BORSUK N.N. Russian poetical heritage in M.Mishchahchuk's translations

The article analyses the translations by M. Mishchahchuk's from Russian poetical heritage. The attention is paid to the translator's sense of nature of mentality of I.Bunin, Z.Gipius, I.Savin, G.Adamovich, U.Khadasevich, the author stresses the reasons and motives of M.Mishchahchuk's appeal to the literary activity of these poets. The author of the article is a test for translation activity, evidence of development of literature and means of interenrichment of literatures.

УДК 821:161.1

Потолков Ю.В.

СЛОВО В ЗАЩИТУ ПОЛИГРАФА ПОЛИГРАФОВИЧА /Заметки о повести М.Булгакова “Собачье сердце”/

Название нашей статьи может вызвать как минимум удивление и как максимум сопротивление: как можно брать под защиту очевидно отрицательного персонажа повести “Собачье сердце” Полиграфа Полиграфовича Шарикова? Ведь он омерзителен не только своей индивидуальной сущностью, но и воплощает в себе преступные черты социальной революции. Для того, чтобы ответить на возможные сомнения такого рода, разьясим этическую суть нашего подхода к предмету.

1.

Защита прав человека – это, среди прочего, защита прав персонажа. Ведь он тоже человек, только виртуальный. Сложность ситуации в том, что в личности персонажа, как и в личности читателя, присутствует содержание не только человеческое, но и Божье. И здесь нет исключений: означенное присутствие – закон для героев как положительных, так и отрицательных. Не учитывать этого обстоятельства нельзя. Изучение характера персонажа без учёта Бо-

жественного, метафизического смысла его личности и без опоры на субстанциальную составляющую души реципиента, на наш взгляд, непродуктивно.

Современное литературоведение всё более остро ощущает необходимость постижения субстанциальной, онтологической составляющей в образном содержании. Исследовательница из Москвы Т. Алпатова, к примеру, отмечает: “Филология – именно на высших своих ступенях – как дух, который “дышит, где хочет” и способен вдруг открыть нам, что нет и не может быть единственно правильных ответов и решений там, где сам поиск ответа – сам путь и единственно достижимая цель, потому что в конце этого пути Слово, Логос освещает его тем светом, с которым не может соперничать человеческая мысль, но в соприкосновении с которым только и может существовать она в этом мире!” [1, 202].

Словом, читатель стремится отыскать в произведении “высшие ступени” для того, чтобы прикоснуться сердцем к Духу, живущему на

*Потолков Юрий Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономического факультета Брестского государственного технического университета.
Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.*

книжных страницах, и освоить такую форму мировосприятия, с которой не может соперничать человеческая мысль; постигая художественный образ, читатель пробивает себе дорогу к Богу для того, чтобы, прикасаясь к прекрасному, спасти свою (а следовательно, и человечества) душу от скверны, ведущей к исчезновению личности в индивидууме и в цивилизации.

Понятия Слово, Логос из высказывания Т. Алпатовой близки, на наш взгляд, к тому смыслу, который придан им в Евангелии от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть. И без Него ничто не начало быть, что начало быть» [2, гл. I, 1].

Итак, духовным истоком образного содержания и творцом художественного замысла оказывается Всевышний, который может быть трактован как первосущность, субстанция, духовное всеединство природы, дух («сверхразумный этический абсолют» – по И.Канту), как онтологическое бытие, которое внеисторично и внесоциально. А если это так, то структурный анализ социально и исторически обусловленного в художественном образе должен быть не начальным, а следующим за начальным этапом общения читателя с литературой. Первым же этапом оказывается постижение субстанциального, бытийного, экзистенциального, того, что, пользуясь термином Е. Блаватской, составляет «космическую мыслеоснову» [3, 34] образного содержания.

Но почему же начальным этапом сопереживания с художественным образом должен быть тот, который направлен на постижение метафизического в бытии? Белорусский философ, историк, литературный критик В. М. Конон, ведя речь о задачах современного образования, по этому поводу высказался так: «Безусловно, именно школа должна помочь человеку стать профессионалом, социализироваться, включиться в общество. Но есть ещё и другое – экзистенция, бытие. Пусть для атеиста это будет бытие наедине с вечностью в абстрактной форме, для верующего – бытие наедине с Богом, но жить нужно не только в системе функционирования, но и в системе экзистенции. Вот тогда мы избавимся от многочисленных ошибок и будем не только хорошими профессионалами, но и мудрыми людьми. Мудрость возникает только на уровне экзистенциального переживания» [4, 3].

Приведенные выше цитаты из высказываний Т. Алпатовой, Е. Блаватской, В. Конона свидетельствуют об укреплении определённой мировоззренческой тенденции в обществе. Её можно игнорировать, но от этого факт присутствия субстанции (Бога, первобытия, Логоса, Слова, космической мыслеосновы) в образе никуда не исчезнет. Не учитывать этого присутствия литературоведение, и вообще общественная мысль, не может.

Подчеркнём общеизвестное: Бог есть любовь. Следовательно, и восприятие искусства должно быть пронизано этим чувством: персонажу жалко читателя; читателю жалко персонажа. Определяющим предметом внимания при постижении произведения должна быть точка боли обязательно проявляющая себя в нём. Именно точка боли, поскольку таковая оказывается «ключом» к каждому индивидуальному характеру и к каждой человеческой судьбе. Значит, – к характеру и судьбе Шарикова тоже. Подойдём к повести «Собачье сердце» с позиций, представленных нами выше.

2.

Начнём разговор с поиска «точки боли» в этом произведении. Искомая «точка», по нашему мнению, состоит в том, что Шариков – результат жестокого эксперимента – не столько биологического, сколько нравственного. Он задуман (в отличие ото всех людей) не Богом, а человеком. Следовательно, Бог присутствует в сюжете в качестве отринутого Создателя. Средствами художественного гения М. Булгакова Всевышний показывает, способны ли мы, люди, заменить Первотворца, стать вместо Бога «космической мыслеосновой», Любовью, Духом, Словом, Логосом, ввести вместо системы экзистенции систему функционирования. Так способны ли? Народная мудрость гласит: «Человек предполагает, а Бог располагает». Действительно: Бог – стратег бытия, а человек – только тактик. Возвышается или же наоборот – деградирует личность человека-экспериментатора, нарушившего эту аксиоматическую константу этики? Сюжет повести логически приводит именно к такому вопросу.

В повести «Собачье сердце» экспериментаторов два: это всемирно известный учёный-физиолог Филипп Филиппович Преображенский и управдом Швондер – фанатически преданный социально-

му эксперименту – построению мировой революции. Они сталкиваются между собой в сюжете как социальные антиподы. Но это дела не меняет: в этическом смысле эти два персонажа антиподами не являются. Перед нами – две стороны одной и той же медали: оба мнят себя стратегами бытия и на этом основании узурпируют создательные права Бога. У Швондера, как и у Преображенского, есть свой «Шариков» – жильцы дома, собирающиеся по вечерам для того, чтобы совместно предаваться революционной мечте. Кстати, фамилия Швондер близка к немецкому Schwinder /мошенник, аферист, обманщик/. Не является ли таковым в своей этической практике и Преображенский?

Обратясь к библейской триаде Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой, можно сказать: Преображенский и Швондер видят в себе Отцов; Шариков и революционные жильцы дома могут подойти для роли Сынов. Но вот Святого Духа нет ни в одном из двух случаев. Тем более, что представленные в повести «Отцы» гораздо более безнравственны, нежели их несчастные «Сыны», поскольку обуяны главным из грехов – гордыней. «Сыны» – лишь продолжение греховности своих создателей. Стоит осмыслить действительность с точки зрения представленного выше понимания повести «Собачье сердце», как станут очевидными те Преображенские и Швондеры, которые действуют и сейчас – и не обязательно вне человека, но и зачастую внутри его.

Вина безапелляционных «преобразователей» в том, что они разрывают связь микрокосма души с макрокосмом вселенского бытия, самонадеянно посягая не только на живую плоть, но и на живую душу. Посягать, конечно, можно... Только к какому результату такое действие приведёт? Повесть названа «Собачье сердце», а не, предположим, «Собачий мозг». Сердце – это Бог Дух Святой. Над ним Преображенский и Швондер власти не имеют.

Повесть М. Булгакова в своём субстанциальном, метафизическом содержании вряд ли может восприниматься как явление сатиры. Это, скорее, плач по поводу гордыни, захлестывающей человечество и ведущей его к вырождению, к появлению духовно ополовиненных Шариковых, в которых, однако, не исчезло чувство индивидуальной неповторимости и собственного достоинства. Воспринимая Полиграфа Полиграфовича воплощением только безликости и злобной агрессивности, читатель неминуемо войдёт в противоречие с реальными сюжетными сценами.

Попробуем с позиций, представленных выше, прочесть один из фрагментов произведения. То есть поищем точку боли, общую для персонажа и читателя. В избранной нами сцене Преображенский учит Шарикова хорошим манерам. Происходит диалог:

«– ...Что это за сияющая чепуха? Откуда? Я что просил? Купить приличные ботинки; а это что? Неужели доктор Борменталь такие выbral?»

– Я ему велел, чтобы лаковые. Чем я хуже людей? Пойдите на Кузнецкий – все в лаковых.

/ ... /

– Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, – вдруг плаксиво выговорил человек.

Филипп Филиппович покраснел, очи сверкнули.

– Кто это тут вам папаша? Что это за фамильярность? Чтобы я больше не слышал этого слова! Называть меня по имени и отчеству!

Дерзкое выражение загорелось в человечке.

– Да что вы всё... То не плевать. То не кури. Туда не ходи... Что уж это на самом деле? Чисто как в трамвае. Что вы мне жить не даёте?! И насчёт «папаша» – это вы напрасно. Разве я просил операцию мне делать? – человек возмущённо лял. – Хорошенькое дело! Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушайтесь. Я, может, своего разрешения на операцию не давал» [5, 299].

Стоит прочесть приведенный диалог беспристрастно, и станет ясно, что в споре выигрывает Шариков. Преображенский действительно ведёт себя оскорбительно по отношению к созданному им существу. Учёный не готов к тому, чтобы воспринять созданного им мутанта как равную себе индивидуальность, то есть «гнушается». Проходная, казалось бы, фраза «Чем я хуже людей?», учитывая, что Полиграф – не совсем человек, начинает звучать как вопрос высоко трагического накала. Подобно же звучит и фраза «Что вы мне жить не даёте?». То есть оперированный пёс выступает как оскорб-

лённая личность, пытающаяся отстоять своё человеческое (человеческое или вселенское?) достоинство, попанное профессором.

Безусловно: в рамках своих физиологических экспериментов Филипп Филиппович несомненно гениален. Но в этическом смысле он совершенно беспомощен. Будь по-иному, Преображенский вовсе не взялся бы за затеянный им эксперимент. Он бы заранее понял, что приступая к созданию человекоподобного существа, учёный должен быть готов к решению тех моральных проблем, которые неминуемо возникнут при завершении предприятия. Шариков – гомункулус. Но человечество не выработало морали общения с подобным видом живых существ. Поэтому социально-этические требования, предъявляемые к Полиграфу, – человеческие. И это обстоятельство – предмет его внутренней трагедии, «болевая точка» этого персонажа.

Но где же та субстанция, та космическая мыслеоснова, то божественное содержание, та метафизика души, которые, если исходить из сказанного выше, должны присутствовать и в Шарикове? Ответ один: там, где есть боль, есть и Бог. А боль есть везде и всегда, поскольку боли не знает только идеал. Но идеал не только недостижим, но и неподвижен, то есть несоединим с вечно движущейся жизнью. Выходит, что боль Бога, боль моя, читателя, едина с душевными переживаниями Полиграфа Полиграфовича.

И это так: ведь история, представленная в повести М. Булгакова, – свидетельство Божьей неудачи. Преображенский столь же далёк от гармонических замыслов Всевышнего в отношении человека, сколь далёк от них несчастный Шариков. А я, автор данной статьи? А вы, возможный её читатель? Не можем ли мы воскликнуть в отношении кого-нибудь: «Что вы мне жить не даёте?». А вопрос «Чем я хуже людей?»... Может быть, это я сам, лично, жить кому-то не даю или же обуян гордыней не менее Преображенского и Швондера?

Как тут не вспомнить реплику Городничего из комедии Н.В. Гоголя «Ревизор»: «Над кем смеётесь? Над собой смеётесь...»? Здесь самое время повторить, что в своей этической неподготовленности к производимым ими преобразованиям Швондер и Преображенский едины. Филипп Филиппович вынужден был вернуть Шарика в первоначальное состояние. Все мы, жертвы швондеровского эксперимента, отмечаем сегодня всё советское и революционное и тоже стремимся вернуться в первоначальное состояние. То есть на наших глазах Господь пробует исправить свой очевидный промах в отношении человека. Пока мы этого ещё не замечаем и видим в повести Булгакова лишь сатиру на советскую власть. Но это – пока. Нас ожидает сопереживание с Богом в себе и в Шарикове.

Подводя итог всему сказанному в нашей статье, подчеркнём: мы защищаем Полиграфа Полиграфовича не в уродливых сторонах его характера, а сочувствуем ему в его социальной обездоленности. Выступив в качестве предельно омерзительного человека, оперированный лёс сумел достичь главного: вновь стал тем, кем создал его Бог. Бездумный собачий философ Шарик оказался гениальнее и целеустремлённее, чем схоластически философствующие Швондеры и Преображенские.

Победило собачье сердце, а не человеческий мозг. То есть ещё раз подтвердилась извечная мудрость: «Кесарю – кесарево, Богу Богово». По-другому ни один из земных конфликтов не разрешается. Искусственные Полиграфы Полиграфовичи найдут в себе силы преватиться в естественных Шариков. В этом – надежда.

СЛОВО В ЗАЩИТУ ИВАНА ПРИСЫПКИНА /Образ “маленького человека” в творчестве В. Маяковского/

В. Маяковский и М. Булгаков не могли не знать друг о друге: жили в одно время в одном месте (в 20-е годы в Москве), а кроме того – принадлежали к ярчайшим личностям в советской литературе. Но идейного сходства между ними не было: автор «Собачьего сердца» относился к новой действительности с плохо скрываемым раздражением; творец «Левого марша» смысл собственного творчества выразил в восклицании: «Моя революция!».

Писатель М. Булгаков казался великому пролетарскому поэту очевидным воплощением мелкобуржуазности, мещанства, мастером без будущего. В одной из сцен пьесы В. Маяковского «Клоп» (1928) дейст-

вие происходит, когда на Земле уже победила мировая революция. Там Профессор, обращаясь к своей ассистентке, высказывается так:

“Товарищ Берёзкина, вы стали жить воспоминаниями и заговорили непонятным языком. Сплошной словарь умерших слов. Что такое “буза”? *Ищете в словаре*/ Буза... Буза... Буза... Бюрократизм, богоискательство, бублики, богема, Булгаков... Буза – это род деятельности людей, которые мешали всякому роду деятельности...” [1, 39].

А вот пьеса «Баня» (1929). В ней В. Маяковский вкладывает в уста чинуши и пустомели, поклонника буржуазных культурных ценностей Ивана Ивановича такие слова:

“.../ А я был на «ДядеТурбиных». Удивительно интересно!” [1, 105].

Здесь дан “залп” сразу по двум произведениям из тогдашнего репертуара Московского Художественного театра: пьесам «Дядя Ваня» А.П. Чехова и «Дни Турбинных» М.А. Булгакова. Устремлённый в коммунистическое будущее автор пьес «Клоп» и «Баня» интерес искусства к общечеловеческим моральным ценностям объявлял устаревшим и неуместным. Но беспристрастное чтение художественного наследия двух мастеров позволяет утверждать, что ценности эти были дороги В. Маяковскому не менее, чем М. Булгакову. Оба автора отстаивали права «маленького человека». В этом, кстати, они близки к гуманистической традиции А.П. Чехова и других классиков дореволюционной литературы.

Более того: между повестью «Собачье сердце» М. Булгакова и пьесой В. Маяковского «Клоп» очевидны сюжетные сходства. В каждом из произведений представлена судьба индивидуума, ставшего жертвой научного эксперимента, причём, и Шариков («Собачье сердце»), и Присыпкин («Клоп») протестуют против насилия над своей физической природой.

Шариков: Разве я просил мне операцию делать? / ... / Я, может, своего разрешения на операцию не давал.

Присыпкин: Чорт с вами и вашим обществом! Я вас не просил меня воскрешать. Заморозьте меня обратно! Во!!!

Текстовое совпадение, очевидное здесь, можно объяснить простым сходством сюжетных ситуаций, в которые поставлены персонажи. Совпадения же смысловые дают основания для гораздо более широких и сложных параллелей. Ведь Октябрьская революция тоже была экспериментом. Пусть Шариков и Присыпкин – личности недостойные, моральные уроды. Но их реплики (хотели писатели того или не хотели) – доказывают, что революция социальная, которую славит Маяковский, или научная, которую славит Булгаков, не являются идеальным выходом из этических противоречий в обществе. Октябрьской революции народ *не просил*. А *просим* ли мы, люди XXI века, учёных создавать человека искусственно? Но, ни одному из двух гениальных писателей не удалось выйти за духовные ошибки своего времени: в «Собачьем сердце» и в «Клопе» оправдывается насилие над личностью. Так что оба произведения внутренне противоречивы.

Сложившаяся у М. Булгакова и В. Маяковского этическая ситуация, может быть понята, если мы обратимся к мегаидее триединой эмпагии, которая являет собою основу наших литературоведческих взглядов. Суть мегаидеи состоит в утверждении триединой сопереживательности творческого процесса. *Автором* любого креативного замысла является Всевышний, понятий как состояние идеальной любви ко всему сущему. *Человек – мастер* (писатель, художник, учёный, рабочий, хлебороб и т. д.) *воплощает первозамысел Господа* в материальные предметы (произведения искусства, научные открытия, машины, урожай и т. д.). Завершающей личностью творчества оказывается человек – *реципиент*, который *воспринимает* задуманную Господом и воплощённую мастером материю плоти и духа и через это восприятие *продолжает извечное движение* к воплощению непрекращающегося Божьего творения.

Отношения между означенными ипостасями творческого триединства хоть и сопереживательны по сути, но сложны и порою даже конфликтны. К примеру, писателям (поскольку они только люди) и Богу (поскольку Первотворец – субстанция надсоциальная, надчеловеческая) персонажи должны видаться по-разному. Для осмысливаемых нами мастеров слова Шариков и Присыпкин – носители самых низменных человеческих качеств, не достойные хотя бы малейшего сочувствия окружающих. Но перед Богом все равны. Поэтому читатель-реципиент, совместно с авторами произведений возмущаясь бездуховностью их отрицательных персонажей, не может объяснить

себе, почему общество во имя эксперимента считает себя в праве распорядиться человеческими судьбами по своему усмотрению.

Такое рассуждение, как нам кажется, правомочно, если учесть, что исследуемые в нашей статье персонажи В. Маяковского и М. Булгакова относятся к широко распространённому в русской литературе типу «маленького человека». Как известно, этот тип далеко не всегда представлен высоко моральными людьми. Но общество в своём отношении к «маленьким», часто также удалено от высот морали. Попытка М. Булгакова и В. Маяковского возвысить «экспериментаторов» успехом не увенчалась. Сюжетная судьба Ивана Присыпкина (Скрипкина) из пьесы «Клоп» – тому прямое подтверждение.

В первой части этой пьесы (картины I – IV) действие происходит в 1929 году. Иван здесь предельно неприятен, вызывает чувство отторжения. Но как только события переносятся на пятьдесят лет вперёд, в коммунистическое будущее, ситуация резко меняется. Несмотря на то, что драматург по-прежнему стремится изобразить размороженного наукой Ивана исчадием ада, зрительское отношение к Присыпкину (Скрипкину) меняется: перед нами прежде всего – несчастная жертва, лишённая свободы не только физической (размороженный помещён в клетку), но и духовной (коммунистическое общество, несмотря на все панегирические усилия В. Маяковского, предстаёт царством безликости и скрытого двоедушия). Более того: люди будущего вообще лишают размороженного статуса человека, объявляют несчастного животным с научным названием «обыватель-лиус вульгарис».

Но Божье «возлюбленного ближнего» в финале пьесы неожиданно поворачивает происходящее таким образом, что омерзительный Присыпкин вдруг начинает выглядеть носителем искренности, благородно возвышающимся над неискренним окружением:

Скрипкин:

(Покорно становится, покашливает, подымает гитару и вдруг оборачивается и бросает взгляд на зрительный зал. Лицо Скрипкина меняется, становится восторженным. Скрипкин отпалкивает директора, швыряет гитару и орёт в зрительный зал) – Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?! Когда же вас всех разморозили? Чего ж я один в клетке? Родимые, братцы, пожалуйте ко мне! За что же я страдаю?

Голоса гостей.

- Детей, уведите детей...
- Намордник... намордник ему...
- Ах, какой ужас!
- Профессор, прекратите!
- Ах, только не стреляйте!

Директор с вентилятором, в сопровождении двух служителей, вбегает на эстраду. Служители оттаскивают Скрипкина. Директор проветривает трибуну. Музыка играет туш. Служители задёргивают клетку.

Директор:

– Простите, товарищи... Простите... Насекомое утомилось. Шум и освещение ввергли его в состояние галлюцинации. Успокойтесь. Ничего такого нет. Завтра оно успокоится... Тихо, граждане, расходитесь, до завтра.

Музыка, марш!

Приведённый отрывок выглядит как восходящий к Божьему порыву мысли «бунт» подлинного Маяковского против Маяковского официального. Зрительный зал (то есть общество в целом) состоит, как оказывается, не из железных большевиков, которых воспевал в своём советском творчестве поэт, а из «своих», «родных», которых «разморозили», как и Присыпкина. «Насекомое утомилось» в коммунистическом обществе, в котором неугодных смиряют при помощи клеток, намордников и пистолетов. По сути дела, приведенная сцена многое объясняет и в личной трагической судьбе поэта, и в будущей исторической судьбе советского народа. «Служители», которые «оттаскивают» Скрипкина, обернулись впоследствии Ежовыми, Ягодами, Бериями. А вот представленный выше монолог Присыпкина – воплощение вселенской любви, которая, как оказывается, человечеству пока ещё чужда, страшна и враждебна.

Сочувствие «маленькому человеку», декларативно отвергаемое В. Маяковским, на самом деле является сущностью его творчества. Сам поэт признался в этом лишь в предсмертной поэме «Во весь голос»:

Но я
себя
смирял,
становясь
на горло
собственной песне.

Так какая же песня у В. Маяковского – собственная? На наш взгляд, та, в которой слышны интонации, прозвучавшие в его стихотворении «Хорошее отношение к лошадям» (1918). Там лирический герой обращается к лошади, которая «грохнулась» на обледеневшей городской улице и окружена по этому поводу смехом зевак, со следующим монологом:

Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте –
Чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь.

Приведённые строки подтверждают мысль о том, что перед Богом все равны: ВСЕ мы лошади. Все. Всем трудно. В отрывке проявилось триединое сопереживание Бога, человека-поэта и человека-читателя. Слова здесь – человеческие, маяковские; а вот боль по поводу несчастья ближнего – Божья, вселенская. Иван Присыпкин прокричал свою любовь к людям ВСЕМУ зрительному залу, без исключений. Следовательно – выразил себя по-божьи.

Так кто же такой Владимир Маяковский? Певец революционных масс или же тонкий лирик, в глубине поэзии которого бьётся израненное сердце отдельной человеческой души? Эмпатический взгляд на творчество этого уникального гения даёт один ответ: лирическим героем В. Маяковского оказывается индивидуум, который воспринимает социальную действительность как выражение души Вселенной. Это выражение адекватно переживаниям каждого отдельного человека, каждого живого существа. Знаменательны в этом смысле финальные строки поэмы «Облако в штанах» (1915):

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звёзд громадное ухо.

Слова «Моя революция!» выступают в творчестве В. Маяковского нравственным эквивалентом слов «Моя любимая!». И именно такое, Всевышнее, выражение любви оказалось духовной сутью его творчества, сколь бы сам поэт не пытался «наступить на горло собственной песне». Художественное наследие великого мастера со всей очевидностью доказывает триединую эмпатичность художественного творчества как такового. Защита прав «маленького человека» не представлялась Маяковскому перспективным явлением в литературе. Но всё (по воле Всевышнего первоавтора) обернулось по-иному: именно сопереживание с живым миром, неповторимым, как вселенная-пёс, вознесла поэта на олимп классической литературы. И таким, нужно надеяться, В. Маяковский останется в памяти потомков.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алпатова, Т. Литературоведение в школе: в поисках самоидентичности / Т. Алпатова // Народное образование. – 2008. – № 8.
2. От Иоанна Святое Благовествование.
3. Блаватская, Е.П. Тайная доктрина / Е.П. Блаватская. – Мн., 1993. – Том I. – Кн 2. Е. Блаватская пишет: «На современном языке Божественную мысль лучше было бы назвать Космической мыслью основной, Духом /.../»
4. Чэмер, М. «Філасофская школа ўзнікае толькі тады, калі яна арыгінальная» (інтэрв'ю з У.М. Конанам) / М. Чэмер // Настаўніцкая газета. – 23 апреля. – 2004.
5. Булгаков, М.А. Избранные произведения: в 2 томах / М.А. Булгаков – Мн., 1991. – Том 2.

Материал поступил в редакцию 02.09.10

The articles “The Word in Defence of Polygraph Polygraphovich” and “The Word in Defence of Ivan Prisyppkin” present a research dilogy which considers the plot circumstances of the story by M. Bulgakov “The dogs heart” and the play by V. Mayakovskiy “The bug”. Attention is paid to the traditional developed Russian literature topic of “a little man”. The articles note complication of the approach of these literary men to the estimation of the characters of Polygraph Polygraphovich and Ivan Prisyppkin.

УДК 800.61(56)

Венскович М.С., Венскович С.В.

СООТНОШЕНИЕ ЛОГИЧЕСКОЙ ИСТИННОСТИ, ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРАВИЛЬНОСТИ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОТМЕЧЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Введение. Современный период в развитии науки в целом характерен общей тенденцией к интеграции, синтезу накопленных знаний, что проявляется в повышенном интересе к разработке проблем, возникающих на «стыке наук». К числу таких проблем относится весьма актуальная в настоящее время как в логико-философском, так и в лингвистическом плане проблема роли и места языка в процессе познания. Частным аспектом этой проблемы является вопрос о возможности адекватного отражения структуры единой объективной реальности из области как материальных, так и духовных явлений в семантико-синтаксической структуре высказывания.

Когда очевидной стала неудача теорий языка, односторонне ориентированных на внешнюю форму, возрос интерес к содержательной стороне языка, в частности, все заметнее становится крен в сторону изучения предложения или высказывания, в его непосредственном отношении к выражаемому им смыслу и отображению в нем некоторого фрагмента действительности.

Языковая коммуникация в человеческом обществе основана не на каких-то изолированных элементах, а строится из относительно законченных грамматических конструкций, содержащих смысловую ценность, а именно из предложений-высказываний. Благодаря предложению, как полноценной коммуникативной единице языка, возможно установление взаимопонимания между говорящим и слушающим, а также осуществление передачи некоторой информации, сообщения, смысла, где особую остроту и актуальность приобретает задача адекватного выражения в грамматической структуре высказывания структуры отображаемой действительности. При решении данного вопроса возникают серьезные трудности, вызванные как онтологическими характеристиками предложения как одной из основных единиц языка, представляющей собой коммуникативную единицу, так и множеством точек зрения на его семантику. В связи с этим содержательная интерпретация предложения, формирование его смысла требует своего всестороннего освещения.

Современная логика подошла к изучению значения языковых выражений, в частности смысла, как к проблеме их понимания. Известно, что понимание является второй стороной процесса коммуникации и поэтому его нельзя отрывать от аспекта формирования высказывания, где грамматические правила соединения единиц языка и лексико-семантические ограничения в сочетаемости слов создают условия для формальной (грамматической) и семантической (смысловой) правильности высказывания, то есть делают предложение как грамматически, так и семантически отмеченным.

Понятие правильности высказывания, рассматриваемое в современной логике, оказывается весьма важным и для анализа формально-смысловой отмеченности предложения. Одной из специфических особенностей интерпретации правильности высказывания в логике является то, что она (правильность) рассматривается в тесном взаимодействии с истинностью высказывания. Логическая характеристика правильности высказывания есть прежде всего правильность формальной организации мысли, в то время как истин-

ность высказывания представляет собой характеристику конкретного содержания мысли.

Соотношение истинности и ложности высказывания, с одной стороны, и отмеченности предложения – с другой, претерпевает значительное усложнение при переходе к естественному языку. В первую очередь это проявляется в том, что если в логике истинность высказывания оказывается в конечном итоге решающим критерием для оценки его отмеченности, то в применении к естественному языку истинность или ложность содержания какого-либо высказывания оказывается не столь существенным для оценки его отмеченности (grammaticality). Объясняется это, скорее всего, тем, что любое высказывание естественного языка характеризуется планом выражения и планом содержания, то есть во всяком высказывании можно выделить формально-синтаксический и семантико-понятийный аспекты. При соотношении семантико-понятийного аспекта с реальной действительностью высказывание квалифицируется по линии истинности или ложности, что позволяет признать семантически правильными (отмеченными) все высказывания, являющиеся или истинными, или ложными, однако наличие в языке таких вполне осмысленных предложений, как «Пегас не существует» и т.п., которые не могут быть квалифицированы по линии истинности/ложности, заставляет усомниться в абсолютной достоверности этого тезиса.

Актуальность проблематике правильности высказывания придавала в свое время разработка теории порождающих грамматик, когда встал вопрос о том, какое предложение считать правильным или отмеченным в естественном языке и как отделить грамматически правильные конструкции от грамматически неправильных. В таком случае указывают обычно на известные примеры Н.Хомского [1]: Colorless green ideas sleep furiously; Furiously sleep ideas green colorless, который указывал на то, что эти предложения равно бессмысленны, но любой носитель английского языка назовет грамматически правильным лишь первое. Но А.Хилл, усомнившись в словах Хомского и желая проверить этот тезис на практике, провел своеобразный эксперимент и показал [2], что в ряде случаев информанты посчитали и второе предложение (Furiously sleep ideas green colorless) верным, а один из них сказал, что это предложение более приемлемо по стилистическим соображениям. Разумеется, что оба предложения подвергаются некоторому осмыслению, но только с точки зрения формально-грамматической, и уж никак нельзя определить в них констатацию какого-либо утверждения относительно неязыковых фактов.

Возникающие при подобном эмпирическом подходе трудности связаны прежде всего с преобладающим влиянием психологической установки и существующей разницей в общеобразовательном уровне. Так, например, высказывание «Некоторые рыбы с непарными плавниками не являются китами» может быть воспринято информантами как семантически неотмеченное, или же ложное, если информанты не обладают достаточной подготовкой по логике. В действительности же это вполне корректное частноотрицательное суждение, являющееся выводом по пятому модусу четвертой фигуры категорического силлогизма [3]. Правильному восприятию этого вы-

Венскович Михаил Станиславович, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков технических специальностей Брестского государственного технического университета Брестского государственного технического университета.

Венскович Светлана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономических специальностей Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.